

КЛЕВЕТА НА БОРАТЫНСКАГО

Исполнившаяся въ этомъ году сто двадцатипятилѣтняя годовщина со дня рожденія Е. А. Боратынскаго вызвала славословія этому замѣчательнѣйшему, до сихъ поръ еще какъ слѣдуетъ неоцѣненному поэту; но на ряду со славословіями раздался голосъ и придушенной, но не задушенной клеветы. Въ одномъ изъ новыхъ парижскихъ клубовъ, въ день чествованія Боратынскаго, нѣкто выступилъ со словомъ привѣтствія... К. Д. Бальмонтъ и, ссылаясь на авторитетъ „нѣкоторыхъ изслѣдователей“, сказалъ приблизительно слѣдующее: „Только разъ Боратынскій возсталъ на Пушкина и назвалъ его «пошлымъ гласомъ», но потомъ раскаялся въ этомъ“. Эта возрожденная клевета на Боратынскаго была вскорѣ повторена и въ одной изъ парижскихъ газетъ.

Нѣтъ ничего нелѣпѣе и неостроумнѣе этой клеветы; нѣтъ ничего проще доказать ея нелѣпость и неосновательность; и можетъ быть она не заслуживала бы вниманія и опроверженія, если бы не питалась тѣмъ источникомъ — ложнымъ пониманіемъ природы Боратынскаго, — который породилъ одну за другой клеветы на Боратынскаго: стоило доказать несостоятельность одной клеветы, какъ мѣсто ея занимала другая, третья... Легко было отсѣкать головы клеветническаго змѣя, но трудно было помѣшать появленію новой головы на мѣсто отсѣченной. И до тѣхъ поръ, пока не изсякнетъ самый источникъ — невѣрное пониманіе личности Боратынскаго — до тѣхъ поръ будетъ возрождаться, въ томъ или иномъ видѣ, и клевета на большого русскаго поэта, якобы завидовавшаго Пушкину и его успѣху.

Поэзія Боратынскаго казалась такой мрачной и исполненной такого пессимизма (свѣтлыя, оптимистическія стороны

міровоззрѣнія и творчества Боратынскаго трудно разглядѣть), что и самъ Боратынскій казался какимъ-то мрачнымъ, нелюдимымъ человѣкомъ, который долженъ былъ отрицать свѣтлое явленіе Пушкина и — естественно — завидовать ему. Съ такой готовой предпосылкой и подходили къ поэзіи Боратынскаго и старались въ ней найти намекъ на скрытую зависть и недоброжелательство къ Пушкину, вѣруя въ то, что всякое слово осужденія относится именно къ Пушкину.

Есть у Боратынскаго стихотвореніе, которое онъ печаталъ безъ всякаго заглавія:

Не бойся ѣдкихъ осужденій,
Но упоительныхъ похвалъ:
Не разъ въ чаду ихъ мощный геній
Сномъ разслабленья засыпаль.

Когда довѣрясь ихъ измѣнѣ,
Уже готовъ у моды ты
Взять на вѣнокъ своей Каменѣ
Ея тафтяные цвѣты, —

Прости, я громко негодую;
Прости, наставникъ и пророкъ,
Я съ укоризной указую
Тебѣ на лавровый вѣнокъ.

Когда по ребрамъ крѣпко стиснуть
Пегасъ удалымъ сѣдокомъ,
Не горе, ежели прихлыстнуть
Его критическимъ перомъ.

Такова сила внушенія, что эта пьеса, вплоть до академическаго изданія, во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго печаталась подъ заглавіемъ „А. С. Пушкину“, между тѣмъ какъ во всѣхъ современныхъ копіяхъ жены поэта, Ан. Л. Боратынской, стихотвореніе озаглавлено „А. Н. М.“, т. е. Андрею Николаевичу Муравьеву, ученику Боратынскаго въ поэзіи: не „наставнику и пророку“ Пушкину указываетъ Боратынскій съ укоризной на лавровый вѣнокъ и даетъ ему наставленія, а „наставникъ и пророкъ“ Боратынскій даетъ наставленія юному, начинающему поэту, своему ученику — А. Н. Муравьеву.

Изъ всѣхъ обвинительныхъ актовъ противъ Боратынскаго самый жестокий, но самый неосновательный, наивно-неосновательный, былъ составленъ И. Щегловымъ. Въ своихъ „нескромныхъ догадкахъ“ И. Щегловъ дошелъ до такой „нескромности“, что утверждалъ, будто бы Пушкинъ въ своемъ „Моцартъ и Сальери“ писалъ образъ Сальери съ Боратынскаго. Безъ труда, но блестяще Щегловъ былъ разбитъ Валеріемъ Брюсовымъ, доказывавшимъ не столько то, что Боратынскій никогда не былъ завистникомъ — Сальери, сколько то, что Пушкинъ не смотрѣлъ, да и не могъ смотрѣть на своего друга Боратынскаго, какъ на Сальери.

Блестяще опрокинувъ „нескромную“ и неумную догадку И. Щеглова, Валерій Брюсовъ самъ въ то же время подалъ поводъ для распространенія новой клеветы-легенды о Боратынскомъ: В. Брюсовъ усмотрѣлъ въ „пошломъ гласѣ“ „Осени“ отзывъ о творествѣ Пушкина.

Пятнадцатая строфа (*третья съ конца*) прекрасной лирической поэмы Боратынскаго читается въ „Сумеркахъ“ — послѣднемъ сборникѣ Боратынскаго — такъ:

Вотъ буйственно несется ураганъ,
И лѣсъ подьѣмлетъ говоръ шумной,
И пѣнится, и ходитъ океанъ,
И въ берегъ бьетъ волной безумной:
Такъ иногда толпы лѣнивый умъ
Изъ усыпленія выводитъ
Гласъ, пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ,
И звучный отзывъ въ ней находитъ;
Но не найдетъ отзыва тотъ глаголь,
Что страстное земное перешель.

Почему подъ „пошлымъ гласомъ“ надо понимать Пушкина — совершенно непонятно. Кажется очевиднымъ, что такія слова, какъ „пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ“, Боратынскій могъ сказать изъ злобы, изъ раздраженія, изъ оскорбленнаго самолюбія, но никакъ не изъ зависти; кажется очевиднымъ, что тонъ этихъ стиховъ можетъ быть сопоставленъ съ тономъ другого стихотворенія Боратынскаго (1842 г.) —

Толкнулъ глупца души моей порывъ,
 Онъ вызвать могъ меня на бой кровавый,
 Но подо мной, сокрытый ровъ изрывъ,
 Свои рога вѣнчалъ онъ падшей славой, —

но никакъ не съ современнымъ написанію 15-ой строфъ „Осени“
 письмомъ о смерти Пушкина, глубоко потрясшей Боратынского...

Къ 1837 году — году смерти Пушкина — относится три
 стихотворенія Боратынского — „Осень“, „Новинское“ и „Сна-
 чала мысль, воплощена“, — и одно изъ нихъ, но не „Осень“,
 а „Новинское“, относится къ Пушкину; совсѣмъ не „пошлый
 гласъ“ составляетъ содержаніе этой пьесы, посвященной памяти
 Пушкина, только что перешедшаго „страстное земное“:

Она улыбкою своей
 Поэта въ жертвы пригласила,
 Но не любовь, отвѣтомъ ей,
 Взоръ ясный думой осѣнила.

Нѣтъ, это былъ сей легкій сонъ,
 Сей тонкій сонъ воображенья,
 Что посылаетъ Аполлонъ
 Не для любви, для вдохновенья.

Но мало того: обстоятельства написанія „Осени“ не только
 дѣлаютъ неправдоподобной, а и совершенно исключаютъ мысль
 о томъ, что „пошлый гласъ“ относится къ Пушкину. „Осень“
 была начата въ 1836 году, но заканчивалъ ее Боратынскій въ
 1837 году, и когда поэтъ писалъ послѣднія строфы, до него
 дошла вѣсть о смерти того, въ комъ онъ видѣлъ величайшаго
 русскаго поэта, призваннаго совершить великій подвигъ. Глу-
 боко взволнованный и убитый этой печальной вѣстью, Бора-
 тынскій написалъ письмо, начавъ его словами Теофана Проко-
 повича на смерть Петра Великаго. Боратынскій негодовалъ,
 какъ друзья Пушкина могли допустить его смерть, и впалъ въ
 состояніе, близкое къ отчаянію и болѣзни души. Быть можетъ,
 въ связи съ извѣстіемъ о смерти Пушкина находится безна-
 дежно-печальный и мрачный финалъ пьесы (послѣ строфъ объ
 „оправданномъ Промыслѣ“, передъ которымъ поэтъ готовъ
 былъ пасть ницъ „съ признательнымъ смиреньемъ, съ надеж-
 дою не видящей границъ и утоленнымъ разумньемъ“):

Зима идетъ, и тощая земля
Въ широкихъ лысинахъ безсилья,
И радостно блиставшія поля
Со смертию жизнь, богатство съ нищетой,
Всѣ образы години бывшей,
Сравниются подъ снѣжной пеленой,
Однообразно ихъ покрывшей:
Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ;
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ.

И вотъ тогда же — послѣ полученія вѣсти о смерти Пушкина — поэта и друга, Боратынскій написалъ и инкриминируемую ему строфу, и написалъ не въ томъ видѣ, въ какомъ она была напечатана въ „Сумеркахъ“ и въ какомъ потомъ перепечатывалась въ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго, а въ слѣдующемъ:

Вотъ буйственно несется ураганъ,
И лѣсъ подьѣмлетъ говоръ шумной,
И пѣнится, и ходитъ океанъ,
И въ берегъ бьетъ волной безумной:
Такъ иногда толпы лѣнивой умъ
Изъ усыпленія выводитъ
Гласъ, дикій гласъ, вѣщатель общихъ думъ,
И звучный отзывъ въ ней находитъ;
Но высшаго понятія глаголъ
Долъ носится, не отзываясь долъ.

Трудно, невозможно допустить (да и нѣтъ рѣшительно никакихъ оснований для такого допущенія), чтобы Боратынскій, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ сразившаго его извѣстія о смерти Пушкина, называлъ его „дикимъ гласомъ“ и „вѣщателемъ общихъ думъ“ (Боратынскому болѣе чѣмъ кому-либо было извѣстно, что послѣдніе годы Пушкинъ все менѣе и менѣе находилъ себѣ отзывъ въ толпѣ и совсѣмъ не являлся „вѣщателемъ общихъ думъ“; выраженіе же „дикій гласъ“ звучитъ непонятно-дико въ примѣненіе къ Пушкину, къ тому Пушкину, котораго зналъ, любилъ, признавалъ и высоко цѣнилъ Боратынскій).

И если невозможно допустить, чтобы извѣстіе о смерти Пушкина внушило такіе стихи Боратынскому, то еще менѣе допустимо предположеніе, чтобы въ слѣдующіе 4 года послѣ смерти Пушкина въ Боратынскомъ росла ненависть къ Пуш-

кину и къ его памяти, и чтобы онъ могъ противопоставлять себя, въ качествѣ перешедшаго страстное земное, Пушкину, который дѣйствительно четыре года тому назадъ перешелъ порогъ „страстнаго земнаго“. Валерій Брюсовъ упустилъ изъ виду, что окончаніе строфы —

Такъ иногда толпы лѣнивой умъ
Изъ усыпленія выводитъ
Гласъ, пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ,
И звучный отзывъ въ ней находитъ;
Но не найдетъ отзыва тотъ глаголъ
Что страстное земное перешелъ —

написано не въ 1836-1837 г.г., а въ 1841-1842 г.г., когда поэтъ передѣлывалъ свою „Осень“ для включенія ее въ свой сборникъ „Сумерки“. Сказать о своемъ покойномъ другѣ — великомъ поэтѣ, что его „пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ“ находитъ звучный отзывъ въ толпѣ и противопоставить ему свой „глаголъ что страстное земное перешелъ“ — верхъ безмыслія и нечуткости!

(Замѣтимъ въ скобкахъ, что это нарастаніе ненависти, раздраженія и гнѣва съ 1837 по 1842 годъ мы замѣчаемъ въ Боратынскомъ въ отношеніи Бѣлинскаго и той „коттеріи“ московскихъ литераторовъ, которая омрачила послѣдніе годы жизни Боратынскаго и довела его до состоянія, близкаго къ душевной болѣзни, отъ котораго поэтъ сталъ оправляться въ Петербургъ и за-границей).

Таковы три несостоятельныя легенды-клеветы объ отрицаніи Боратынскимъ поэзіи Пушкина. Разрушить ихъ не трудно; но кто поручится за то, что на мѣсто ихъ не возникнетъ новая, столь же неумная клевета? — Возникновеніе такого рода клеветъ (или возрожденіе старой, уже сданной въ архивъ — какъ это имѣло мѣсто съ послѣдней, третьей клеветой) всегда возможно до тѣхъ поръ, пока существуетъ подозрѣніе въ недоброжелательномъ отношеніи Боратынскаго къ современнымъ ему поэтамъ вообще и къ Пушкину въ частности. Питается это подозрѣніе отчасти и тѣмъ обособленнымъ положеніемъ,

какое занималъ Боратынскій въ современной поэзіи, и рѣзко выраженнымъ стремленіемъ его къ обособленности. Боратынскій стремился въ поэзіи отмежеваться отъ Пушкина, итти своею, независимою и непохожею на Пушкинскую дорогою, но не потому, чтобы онъ отрицалъ поэзію Пушкина, не потому, чтобы считалъ ее недостойною подражанія, а потому, что глубоко вѣрилъ въ ненужность всякаго повторенія, всякаго подражанія. Подражатели казались ему развращенными нищими, молящими „лепты незаконной съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ“, и къ великому Мицкевичу онъ обращался съ горячимъ призывомъ:

Не подражай: своеобразенъ геній
И собственнымъ величіемъ великъ.
Шекспировъ-ли, Доратовъ-ли двойникъ,
Досаденъ ты: не терпятъ повтореній.
Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ:
Да не творить себѣ кумира онъ.
Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ,
Я думаю: поклонникъ униженный,
Возстань, возстань и вспомни: самъ ты богъ!

И чѣмъ больше обозначался геній Пушкина, чѣмъ больше вызывалъ онъ въ Боратынскомъ восхищенія, признанія и радость (чувства, далекія отъ зависти), тѣмъ больше стремился Боратынскій къ тому, чтобы итти своею дорогою.

Сильно преувеличенъ пессимизмъ и мрачность творческаго лика и личности Боратынскаго. Были моменты въ личной жизни Боратынскаго, когда мрачность его доводила до самоубійства и до душевной болѣзни: поэтъ былъ близокъ къ самоубійству послѣ исключенія его изъ Пажескаго корпуса за участіе въ кражѣ и былъ близокъ къ душевной болѣзни въ концѣ 30-хъ годовъ подъ вліяніемъ той травли, которая поднята была Бѣлинскимъ и иже съ нимъ. Но во всѣ другіе моменты Боратынскій отнюдь не былъ мраченъ и даже свое финляндское изгнаніе переносилъ не терпѣливо-стоически, а легко. Боратынскій избѣгалъ большого, многолюднаго общества, но въ тѣсномъ кругу друзей онъ былъ и вѣрнымъ другомъ, и человекомъ рѣдкихъ душевныхъ свойствъ (не зависти и не недоброжела-

тельства), и увлекательнымъ, интереснымъ собесѣдникомъ; тотъ, кто разъ подходилъ поближе къ Боратынскому, тотъ не могъ не цѣнить его и не любить его всѣмъ сердцемъ (какъ любили его Пушкинъ, Дельвигъ, Кирѣевскій, Путята... и всѣмъ имъ Боратынскій платилъ такую же чистою монетою чистаго сердца); отпугивала нѣсколько друзей Боратынского его деспотическая жена, Анастасія Львовна, но никогда не самъ онъ. Доброжелательный къ людямъ, Боратынскій особенно доброжелательно относился ко всякому поэтическому дарованію: этотъ Щегловскій „Сальери“ искренно радовался всякому проявленію поэзіи въ другихъ *). Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть письма Боратынского, посланія его къ друзьямъ и воспоминанія о немъ его современниковъ. Мрачный характеръ пессимистической поэзіи Боратынского нисколько не противорѣчитъ такому свѣтлому и ясному добродушію и сердечной любви, почти влюбленности, къ друзьямъ. Преувеличить пессимизмъ міровоззрѣнія и поэзіи Боратынского невозможно, ибо никогда ни до него, ни послѣ него въ русской поэзіи не звучалъ такъ безнадежно мрачно, мрачный гимнъ безнадежности:

На что вы дни? Юдольный міръ явленья
Свои не измѣнить.
Всѣ вѣдомы, и только повторенья
Грядущее сулить.

Напрасно ты металась и кипѣла,
Развитіемъ спѣша;
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла
Безумная душа.

И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а оно

*) Исключенія Боратынскій не дѣлалъ и для Лермонтова, личность котораго отталкивала отъ себя Боратынского: Боратынскій, находя въ Лермонтовѣ „что-то нерадушное, московское“ (а въ Москвѣ была ненавистная „коттерія“), признавалъ въ его поэзіи высокія достоинства и посвятилъ стихотвореніе „Памяти поэта“ (на смерть Лермонтова).

Безсмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ,
Безъ нужды ночь смѣня,
Какъ въ мракъ ночной безплодный вечеръ канетъ,
Вѣнецъ пустаго дня!

Преувеличить эту безнадежность, повторяемъ, трудно, но легко совершить другую ошибку — распространить пессимизмъ Боратынскаго на ту область, въ которой онъ былъ не пессимистомъ, а оптимистомъ. Поэзія Боратынскаго была мрачной и пессимистической, но только въ отношеніи міра явленій съ его предопредѣленностью и бессмысленной повторяемостью; предъ Промысломъ оправданнымъ Боратынскій падалъ ницъ, въ поэзіи онъ видѣлъ „живую вѣтвь съ родного берега“ и свѣтло и радостно радовался всякимъ проявленіямъ истинной поэзіи — всѣхъ своихъ современниковъ и особенно Пушкина.

О пессимизмѣ Боратынскаго много писали — пора вспомнить и объ его оптимизмѣ, о его живой вѣрѣ.

М. Л. Гофманъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ

ЖУРНАЛЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЫ

КНИГА I

ЯНВАРЬ - ФЕВРАЛЬ

1926

БРЮССЕЛЬ

РЕДАКТОРЪ:
КН. Д. А. ШАХОВСКОЙ

РУКОВОДИТЕЛЬ:
ГРИГ. СОКОЛОВЪ